

УДК 821.161.1.0

НОМОЛОГО-АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО КАК ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ

Кошечко А.Н.¹

¹ ФБГОУ ВПО «Томский государственный педагогический университет», Томск, Россия (634050, г. Томск, ул. Киевская, 60), ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», Томск, Россия (634050, г. Томск, пр. Ленина, 49), e-mail: Nastyk78@mail.ru

Статья посвящена анализу номолого-аксиологического подхода к изучению экзистенциального сознания Достоевского. В изучении форм экзистенциального сознания Достоевского номологическое и аксиологическое содержания теории связаны между собой на основе принципа дополнительности, который позволяет, с одной стороны, исследовать разные стороны феномена при помощи какого-либо одного средства, и описывать одну из сторон феномена разными средствами - с другой. Подобная методология исследования представляется наиболее адекватной специфике изучаемого феномена, поскольку ведущую роль в структуре экзистенциального сознания Достоевского занимает аксиологическая доминанта, позволяющая редуцировать разрыв между теоретически-абстрактным определением понятия и областью его практического самоосуществления в творчестве конкретного автора. Номолого-аксиологический подход позволяет качественно по-новому взглянуть на созданные писателем тексты во всем многообразии их сюжетно-тематического и жанрового воплощения, дать представление об экзистенциальном сознании как метакатегории, реализующей себя в различных формах художественного письма как способах объективации в слове, самоописания и самоструктурирования.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, экзистенциальное сознание, истина, ценности, номолого-аксиологический подход, рефлексия, идея, слово, автор, контекст, феномен.

NOMOLOGO-AKSIOLOGICAL APPROACH IN RESEARCH OF EXISTENTIAL CONSCIOUSNESS OF F.M. DOSTOYEVSKY AS LITERARY CATEGORY

Koshechko A.N.¹

¹ Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia (634050, Tomsk, Kievskaya Str., 60), The national research Tomsk State University, Tomsk, Russia (634050, Tomsk, Lenin Avenue, 49), e-mail: Nastyk78@mail.ru

Article is devoted to the analysis of nomologo-axiological approach to studying of existential consciousness of Dostoyevsky. In studying of forms of existential consciousness of Dostoyevsky nomological and axiological contents of the theory are connected among themselves on the basis of the principle of a complementarity which allows to investigate, on the one hand, the different parties of a phenomenon by means of any one means and to describe one of the phenomenon parties different means, with another. The similar methodology of research is represented to the most adequate specifics of a studied phenomenon as the leading role in structure of existential consciousness of Dostoyevsky is occupied by the axiological dominant, allowing to reduce a gap between theoretical and abstract definition of concept and area of its practical self-implementation in creativity of the specific author. Nomologo-axiological approach allows to look in a new way qualitatively at the texts created by the writer in all variety of their subject and thematic and genre embodiment, to give an idea of existential consciousness as the metacategory realizing in various forms of the art letter as ways of an objectivization in the word, the self-description and self-structuring.

Keywords: F.M. Dostoyevsky, existential consciousness, truth, values, nomologo-axiological approach, reflection, idea, word, author, context, phenomenon.

Метакатегориальная природа экзистенциального сознания позволяет говорить о его синтетическом характере, включающем в себя сферу традиционного психологического сознания как способность человека к рефлексии и саморегуляции, подсознание и собственно художественное сознание как способ объективации в слове виртуальных мыслительных и эмоциональных процессов.

Одной из форм репрезентации экзистенциального сознания Достоевского является его художественный метод, который сам писатель определял как «реализм в высшем смысле», позволяющий фиксировать индивидуальное, неповторимое, неоднозначное в личности, а не гипотетически обобщать и приводить в формат однолинейной схемы многомерное сознание человека «пограничной эпохи». Стремясь к целостному и многогранному пониманию жизни и ее воспроизведению в творчестве, в своих произведениях писатель интегрирует номологическое (объективная истина, репрезентируемая в форме законов) и аксиологическое содержание в единую структуру, соединяет в единое целое Истину (синтезирующую в себе многозначность бытия, абсолютную, генетически сопряженную для него с Христом) и ценности, обретенные в опыте индивидуального проживания и насыщенные личностными смыслами.

С этим связана проблема изучения феномена экзистенциального сознания Достоевского: оно индивидуально, но чтобы его исследовать, нужно назвать типологические признаки, то есть генерализовать. Проще описывать феномены, имеющие отношение к методологии художественного творчества конкретного литературного направления или течения. Дать характеристику экзистенциального сознания применительно к экзистенциализму проще, чем применительно к Достоевскому и любому другому писателю экзистенциальной мироориентации, поскольку эстетическая программа направления как субъекта литературного процесса имеет более четкие критерии, которые можно выстроить в типологическую систему. С индивидуально авторским мирообразом это сложнее сделать, потому что далеко не все в нем вербализовано, текстуально проявлено и закреплено в виде эстетических манифестов.

Наиболее эффективным для исследования форм экзистенциального сознания Достоевского как специфического текстового феномена, реализующегося в повседневно-экзистенциальном и художественном вариантах, представляется метод, построенный на синтезе номологического и аксиологического подходов: «Принцип конкретности истины <...> требует присутствия в логических построениях теорий ценностной детерминанты. Попытка построить теорию, опираясь только на что-нибудь одно, рано или поздно неизбежно приводит к противоречию. <...> Стремление к объективной истине заставляет избавляться от субъективных оценок, но уже сама эта процедура оказывается ценностно нагруженной, и, таким образом, совсем избавиться от ценностей становится невозможно. С другой стороны, *при выборе надлежащей оценки для интерпретации фактов* (курсив мой. – А.К.) исследователь всегда уверен, что даст единственно правильную, истинную оценку. Мы можем наблюдать, как номологическое содержание и аксиологическое содержание теории

проникают друг в друга, образуя неразрывное единство в структуре абстрактного теоретического объекта» [9, с. 22].

В изучении форм экзистенциального сознания Достоевского номологическое и аксиологическое содержания теории связаны между собой на основе принципа дополнительности, который позволяет, с одной стороны, исследовать **разные стороны феномена** при помощи какого-либо **одного средства**, и описывать **одну из сторон феномена разными средствами** - с другой. Подобная методология исследования представляется нам наиболее адекватной специфике изучаемого феномена, поскольку ведущую роль в структуре экзистенциального сознания Достоевского играет аксиологическая доминанта, позволяющая редуцировать разрыв между теоретически-абстрактным определением понятия и областью его практического самоосуществления в творчестве конкретного автора.

Номолого-аксиологический подход к исследованию экзистенциального сознания Достоевского в литературоведческой системе координат строится на последовательной реализации четырех основных принципов.

Первый принцип предполагает ориентацию исследователя на мировоззренческие позиции самого писателя. Биографический контекст творчества позволяет составить отчетливое представление о целях обращения автора к номологическому и ценностному содержанию. При этом выявление целевой установки автора должно подкрепляться и аргументироваться литературоведческим анализом текстов (художественных, публицистических, эго-текстов), исследованием и классификацией способов проявления экзистенциального сознания в текстах различного содержания. Собственный опыт, пропущенный через призму автобиографического анализа, саморефлексии и универсального философского обобщения, становится в творчестве писателя экзистенциальной точкой зрения, тематически фиксирующей внешнюю и внутреннюю конфликтность существования человека, антиномии бытия: одиночество и коммуникация, иметь и быть, желание жить и неизбежность смерти, смысл и абсурд, свобода и «бегство от свободы», отчаяние и вера, жизнь и творчество. Ценностная структура экзистенциального сознания Достоевского определяет его синтезный характер и проявляется в соединении, «сплаве» интимно-исповедального, личного и общественно значимого, общечеловеческого, универсального начал. Одной из форм проявления ценностного синтеза является интеграция в структуру экзистенциального сознания Достоевского доминант религиозной (в случае писателя – православной) парадигмы мышления. Отношение к сакральным текстам православной культуры позволяет выявить специфику экзистенциального сознания Достоевского и его отличия от экзистенциалистской версии: писатель использует сакральное содержание в

качестве ценностной первоосновы создаваемого им текста, в то время как для атеистической ветви западноевропейского экзистенциализма (Ж.-П. Сартр, А. Камю и др.) характерно полемическое отталкивание.

Второй принцип требует учитывать эволюцию писателя и его мировоззрения, изменение социальной и культурно-исторической ситуации. Может ли временная разница между писателем и исследователем быть препятствием для понимания? С точки зрения М.Л. Гаспарова, «диалог с прошлым оказывается прикрытием экспроприации прошлого; диалог этот мнимый, потому что односторонний: прошлое молчит» [4, с. 10]. Это утверждение оказывается поразительно созвучным идеям западноевропейского экзистенциализма, для которого прошлое, как и его представители, оказывается своего рода безгласной «вещью». В частности, в романе Ж.-П. Сартра «Тошнота» разочарование А. Рокантена в возможности написать книгу о маркизе де Рольбоне связано с отсутствием возможности прямого диалога, пусть даже и текстуально опосредованного. Такой подход отвергает феномен культурной памяти и предполагает в качестве ведущей исследовательской стратегии реконструкцию восприятия читателей-современников автора, потому что писатель не мог предвидеть нашей реакции на его тексты. Этот факт единичной коммуникации приводит к предельному монологизму исследователя, который убежден в своей объективности при выявлении авторской установки и зачастую подменяет ее своей субъективностью. Анализ «близкого» контекста, восприятия современниками писателя его текстов и экзистенциальных идей является одним из возможных контекстов понимания творчества Достоевского и может быть использован для приближения исследователя к феномену сознания писателя как человека своей эпохи, своего времени. В этом смысле читательские ожидания современников хотя и не обеспечивают глубины понимания личности писателя, но дают «информацию к размышлению»: что в творчестве писателя вызывало неоднозначную оценку, непонимание его «ближнего» круга, принципиально важные для Достоевского сочувственные или полемические отклики. Это своеобразные смысловые лакуны, которые позволяют исследователю отчетливо увидеть корпус экзистенциальных смыслов произведений писателя, которые были рассчитаны на смысловое самоосуществление в «большом времени», открытие «новых смысловых глубин».

Третий принцип связан с включением ценностно-мировоззренческой позиции исследования в стратегию изучения экзистенциального сознания и форм его репрезентации в творчестве Достоевского, поскольку «истинно-ценностный дуализм» феномена создает ситуацию диалогического взаимодействия двух сознаний – автора и реципиента (исследователя): «чужие сознания нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты, как вещи, с ними можно только диалогически общаться. Думать о них – значит говорить с

ними, иначе они тотчас же поворачиваются своей объектной стороной: они замолкают, закрываются и застывают в завершенные объектные образы» [1, с. 80]. Данный постулат определяет стратегию диалогического взаимодействия исследователя с творческим универсумом Достоевского: от миромоделирующего начала, психофизиологических особенностей и жизненных впечатлений как основы формирования экзистенциального мирообраза в сознании писателя к исследованию экзистенциальных доминант в его эстетике и формам их воплощения художественной практике. Думается, что такая логика исследования позволит нам не только рассмотреть творчество Достоевского как первичную форму экзистенциальной философии на русской почве, но и выявить сами способы репрезентации экзистенциального сознания как целостной художественно-мировоззренческой системы.

«Активное взаимопроникновение сознаний» (М.М. Бахтин) позволяет преодолеть проблему создания идеологизированных интерпретаций, субъективность и заведомую предвзятость установок исследователя, которым автор не обязан соответствовать: «Все явственнее обнаруживается тревожный парадокс, когда и строго научное, и сверхпопулярное литературоведение (за редким исключением) не только не идёт по пути раскрытия содержательности и значительности приведенных оценок, но замыкается в узкой фактологии, дробится в частных проблемах, распыляется в претендующих на оригинальность бездоказательных гипотезах. Иерархическое истолкование высших художественных смыслов творчества <...> порою подменяется "научной" интерпретацией, отражающей особенности мировоззрения и ценностных представлений исследователя» [8, с. 41]

С точки зрения Макса Вебера, научная объективность достижима лишь в случае безусловной свободы от ценностей: «Речь идет о весьма тривиальном требовании, которое сводится к тому, чтобы исследователь отчетливо разделял две группы гетерогенных проблем: установление эмпирических фактов (включая выявленную исследователем "оценивающую позицию" эмпирически исследуемых им людей), с одной стороны, и собственную практическую оценку, то есть свое суждение об этих фактах (в том числе и о превращенных в объект эмпирического исследования "оценках" людей), рассматривающее их как желательные или нежелательные, то есть свою в этом смысле оценивающую позицию – с другой...» [3, с. 558]. Однако поставленная задача «изгнания» вненаучных ценностей из научной деятельности в исследовании ценностно-ориентированного экзистенциального сознания решается не так просто и однозначно: «Мы не можем запретить ему (ученому. – А.К.) оценивать или ломать его оценки, не сломав его ранее как человека и как ученого» [7, с. 71]. Это замечание представляется нам методологически важным, поскольку задает

определенную стратегическую установку для исследователя: говоря об экзистенциальном сознании Достоевского, невозможно отстраниться от сознания собственного, от оценивания фактов, событий и обстоятельств, представленных в текстовой деятельности писателя.

Номолого-аксиологический подход к исследованию экзистенциального сознания Достоевского позволяет исследователю ориентироваться на использование научного инструментария и избежать субъективной оценочности, потому что особенности мировоззрения писателя необходимо констатировать, но не оценивать.

Четвертый принцип предполагает установку на **понимание** как «особую форму опыта, посредством которого обыденное мышление познает социально-культурный мир... Это продукт процесса сбора или изучения, аналогичных повседневному опыту восприятия мира природы... Понимание не является частным делом наблюдателя, неподвластным проверке в опыте других наблюдателей» [10, с. 58].

Необходимо разграничивать принципиально разные по содержанию и стратегии анализа текста исследовательские установки: «изучение» предполагает системно-аналитический подход, ориентированный на унифицированную методологию исследования; «понимание» требует от исследователя личностного участия, диалогического взаимодействия с текстом в ситуации четкого обозначения персональной позиции. Понимание – это во многом результат выбора смысловой и эмоциональной перспективы, переживание и экзистенциализация смыслов, в том числе – смыслов своей собственной судьбы, увиденной и осмысленной через призму текста как «продукта» альтернативного сознания.

Для настоящего понимания необходима историческая дистанция, отделяющая нас от эпохи Достоевского, потому что автор – «пленник своей эпохи, своей современности. Последующие времена освобождают его от этого плена, и литературоведение призвано помочь этому освобождению» [2, с. 331]. Экзистенциальные произведения Достоевского обретают свой глубинный смысл в «большом времени», в котором исследователь более поздних эпох существует (и как специалист-филолог, и как читатель) в собственном контексте понимания, и его позиция может совпадать или не совпадать с пониманием современников. В этом отношении представляется абсолютно справедливым замечание А.А. Казакова о том, что «специфическая "современность" Достоевского определяется не только непреходящим значением его религиозных, нравственно-философских или социально-исторических уроков, но и совершенно своеобразной *литературоведческой актуальностью*. Несмотря на то, что со дня ухода писателя из жизни прошло почти полтора столетия, несмотря на огромное количество литературы, посвященной русскому классику, Достоевский до сих пор ставит перед гуманитарной наукой задачи, к которым она с трудом

находит подход, которые требуют серьезного уточнения самих базовых принципов литературоведения» [6, с. 36].

Понимание предполагает оценку объекта исследования на основе некоторого образца, нормы, принципа, усвоение нового содержания и включение его в систему устоявшихся идей и представлений. Понимание предполагает видение объекта с точки зрения соответствия ценностям. Понимание неосуществимо без акта оценки: «Безоценочное понимание невозможно. Нельзя разделить понимание и оценку: они одновременны и составляют единый целостный акт» [2, с. 366].

Многие работы, посвященные исследованию экзистенциального сознания Достоевского, демонстрируют совершенно не соответствующую предмету изучения стратегию исследования, «вектор непонимания» (И.А. Есаулов), который становится основой для последующего изучения: «весьма часто система ценностей исследователей русской литературы находится в кардинальном противоречии с аксиологией предмета изучения. <...> зачастую *тип духовности*... исследователей один, а *тип духовности* русской литературы – совсем другой. <...> иногда – вольно или невольно – происходит проецирование своей собственной системы ценностей, своих собственных представлений о "должном" и "недолжном" на русскую классическую литературу, которая основывается на других ценностях. Тем самым искажается (вольно или невольно) сам предмет исследования» [5, с. 13].

Предлагаемая нами аналитическая стратегия позволяет не выявить сам факт наличия или отсутствия экзистенциальных идей в творческом универсуме Достоевского и в структуре его собственного сознания (в индивидуально-личностной и писательской ипостасях), а исследовать сам механизм воплощения экзистенциального сознания и составить каталог форм этого воплощения. Номолого-аксиологический подход позволяет не только качественно по-новому взглянуть на созданные писателем тексты во всем многообразии их сюжетно-тематического и жанрового воплощения, но и дать представление об экзистенциальном сознании как метакатегории, реализующей себя в различных формах художественного письма как способах объективации в слове, самоописания и самоструктурирования.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. - М., 1979.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров; текст подгот. Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; прим. С.С. Аверенцева, С.Г. Бочарова. - М. : Искусство, 1979.

3. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке // Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. - М. : Прогресс, 1990. - С. 547–600.
4. Гаспаров М.Л. История литературы как творчество и исследование: случай Бахтина // Русская литература XX–XXI веков: проблемы теории и методологии изучения. - М., 2004. - С. 8–10.
5. Есаулов И.А. Евангельский текст в русской культуре и современная наука // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв.: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. - СПб. : Алетейя, 2011. - Вып. 6. - С. 5–23.
6. Казаков А.А. Ценностная архитектура произведений Ф.М. Достоевского. – Томск : Издательство Томского университета, 2012. - 254 с.
7. Поппер К. Логика социальных наук // Вопросы философии. - 1992. - № 10. - С. 65 –75.
8. Тарасов Б.Н. Непрочитанный Чаадаев. Неуслышанный Достоевский. - М., 1999.
9. Федулов И.Н. Соотношение номологического и аксиологического содержания в структуре гуманитарного теоретического знания // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. - 2011. - № 1 (13). - С. 17–24.
10. Формирование понятия и теории в социальных науках // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. - М. : РОССПЭН, 2004. - С. 51–68.

Рецензенты:

Разумова Н.Е., д.фил.н., профессор, профессор кафедры литературы историко-филологического факультета ТГПУ, г. Томск.

Хатямова М.А., д.фил.н., профессор, профессор кафедры литературы историко-филологического факультета ТГПУ, г. Томск.